

В СКРЮЧЕННОМ ДОМИШКЕ У СКРЮЧЕННОГО МОРЯ

Пьеса Ольги Варшавер по книге Кейт ДиКамилло «Беверли – здесь и сейчас»

Действующие лица:

БЕВЕРЛИ, 14 лет

ИОЛА ДЖЕНКИНС, старушка, живет в трейлере

ЭЛМЕР, 17 лет

ФИОНА, 17 лет

ДЖЕРОМ, 18 лет

МИСТЕР МАРБИ, хозяин ресторана «Моречко»

ЛАЙЗА, повариха ресторана «Моречко»

РИНА, соседка Иолы (может быть голос за сценой)

БИЛЛИ, сын Иолы

РАЛЬФ ЖАВОРОНГ, работник в Доме ветеранов

Голоса: МАТЬ Беверли; РАЙМИ, подруга Беверли; РОББИ, мальчик на пляже; МАТЬ Робби

Жаркий август. Для тех, кому нужна конкретная привязка к эпохе, -- действие происходит в 1970е годы. Но это вообще не принципиально. Разве что мобильной связи точно нет.

Очень важен саундтрек. Непременно нужны следующие звуки: шум прибоя (на пляже, у трейлера, у телефонной будки) и скрип металлической лошади-качалки (у магазина).

Музыка – произвольно, но стоит подумать о песенке Wynken, Blynken and Nod.

<https://www.youtube.com/watch?v=ub-XetKYDBw>

https://www.youtube.com/watch?v=sal_pp_ptJQ

<https://www.youtube.com/watch?v=49clc2eqkBg> (лучший вариант)

А вот откуда звёзды-рыбки -- мульт 1938 года <https://www.youtube.com/watch?v=Fhp9hY37Tl8>

Для реалистичных постановок на большой сцене можно обозначить несколько мест действия: ресторан; трейлер без стенки – внутри плетеный диванчик и столик, перед трейлером полосатый шезлонг; Дом ветеранов; площадь перед магазином и Домом ветеранов, там стоит металлическая лошадь-качалка с прорезью для монет. У одного портала – телефонная будка, у другого – прилавок.

Впрочем, режиссеры и сценографы, разумеется, увидят все совсем иначе. И это прекрасно.

АКТ 1

Сцена 1

Шум океана. Разговор идет на фонограмме.

БЕВЕРЛИ в какой-то момент выходит, садится на авансцене, слушает свой же голос.

- РОББИ. (голос ребенка 5-6 лет) Ты куда смотришь?
- БЕВЕРЛИ. (голос) Не твоё дело.
- РОББИ. Подвинься.
- БЕВЕРЛИ. С какой стати?
- РОББИ. Я замок буду строить. Из песка... Тут.
- БЕВЕРЛИ. А ты строй не тут.
- РОББИ. Я маме пожалуюсь.
- БЕВЕРЛИ. Жалуйся.
- РОББИ. Вон моя мама. Она рассердится.
- БЕВЕРЛИ. Пускай. Я её не боюсь.
- РОББИ. Ни капельки?
- БЕВЕРЛИ. Ни капельки.
- РОББИ. А я боюсь. Когда она взаправду сердится. Но мне некогда разговаривать. Надо замок строить.
- БЕВЕРЛИ. (после паузы) Хочешь, помогу?
- РОББИ. Хочу... (пауза, шум океана) Ты хорошо строишь замки.
- БЕВЕРЛИ. Да. Я знаю.
- РОББИ. Ты пахнешь рыбой. И кетчупом.
- БЕВЕРЛИ. Ты тоже не розами.
- МАТЬ. Ро-о-обби, нам пора.
- РОББИ. Мам, я замок строю.
- МАТЬ. Завтра достроишь.
- РОББИ. Завтра всё исчезнет.
- МАТЬ. Никуда твой замок не денется.
- РОББИ. Она исчезнет.
- БЕВЕРЛИ. (отсюда без фонограммы) Я приду завтра.
- РОББИ. Я буду ждать!
- БЕВЕРЛИ. Договорились. (в зал) Почему взрослые врут детям? Врут и даже не задумываются, даже не понимают, что врут. *Никуда твой замок не денется. Я приду завтра.* Все врут. Друг другу тоже...

Сцена 2

В ресторане. БЕВЕРЛИ и ФИОНА, потом МАРБИ.

ФИОНА. Одна есть будешь?

БЕВЕРЛИ. Я работу ищу.

ФИОНА. Здесь?

БЕВЕРЛИ. Есть в вашем «Моречке» какая-нибудь работа?

ФИОНА. (кричит) Мистер Марби! Тут работу ищут. (к Беверли) У нас только обеды, по вечерам не работаем. (кричит) Эй, мистер Марби! (понизив голос) Я тут целый день одна кручусь.

Входит МАРБИ.

ФИОНА. Это мистер Марби. Спал небось. Он у нас прямо за столом спит! Уткнется лбом в конторскую книгу и храпит в две ноздри.

МАРБИ. Не храплю я. Даже не сплю. Глаза должны отдыхать. Ты работу ищешь?

БЕВЕРЛИ. Да.

МАРБИ. Будешь столы убирать. Ну что, давай интервью проведём? При приёме на работу положено... Как тебя зовут?

БЕВЕРЛИ. Беверли.

ФИОНА. Я ей сейчас бейджик сделаю! Первая буква Б, так?

БЕВЕРЛИ. Так.

МАРБИ. Следуй за мной.

БЕВЕРЛИ. (в зал) «Следуй за мной»? Ха! Это не про меня. Я всегда сама по себе. Но Дружок умер. Я его похоронила и уехала. Так что без разницы...

БЕВЕРЛИ и МАРБИ в офисе. Стол завален бумагами. Крутится вентилятор.

МАРБИ. Мне нужен человек с установкой на результат. Садись. Ты прежде-то в ресторане работала?

БЕВЕРЛИ. Нет.

МАРБИ. А рыбу любишь?

БЕВЕРЛИ. Не особенно.

МАРБИ. У меня трое детей. Три девочки. Живут с матерью. Это трагедия. Иметь детей — трагедия. Скажут, что счастье — не верь. Вот заводишь ты детей. И сразу хочешь их защитить, уберечь. А как — непонятно. И это с ума сводит. Натурально. Ночью спать не можешь.

БЕВЕРЛИ. Угу. (в зал) Я с ним, конечно, согласилась. Но вряд ли моя мать хоть раз не спала ночью, потому что не может меня защитить.

МАРБИ. Сколько тебе лет?

БЕВЕРЛИ. Шестнадцать.

МАРБИ. Сколько прибавила? Эх... (входит Фиона) Фиона, а тебе сколько лет?

ФИОНА. Вы опять за своё? Я уже школу окончила. И по подиуму хожу. И вообще – неприлично спрашивать дам про возраст. (отдает Беверли бейдж) Держи.

БЕВЕРЛИ. Спасибо. (читает) «ЗАПЛЫВАЙТЕ в МОРЕЧКО». «БЕ-ВЕ-РИЛ»? Я Беверли.

ФИОНА. (не слушая) Машишка клёвая: крутишь, находишь букву, надавливаешь и – бац! – тут тоже буква. Прямо по волшебству.

МАРБИ. У меня три девочки... Однажды старшая придет в ресторан... или средняя – в магазин... Наврят хозяину, прибавят себе годы. Но что я могу? Надо просто работать. Дочек кормить. Маргоша, Алиска и Лу. Так моих девочек зовут. Приходи завтра, Беверли... Лу...

ФИОНА. Но она ведь не официантка?

МАРБИ. Нет, Фиона, официантка – ты. Она будет посуду убирать. Ты когда-нибудь убирала со столов, Беверли-Лу?

БЕВЕРЛИ. Я научусь. И меня зовут Беверли. Просто Беверли.

МАРБИ. Ну да. Просто.

ФИОНА. Столы убирать легкотня. Любой может.

БЕВЕРЛИ. Я научусь.

ФИОНА. Только ты выбери себе мечту и живи ею. Потому что у нас тут тоска и скука.

МАРБИ. А кто обещал, что будет весело? Тут не парк с аттракционами, а рыбный ресторан.

ФИОНА. Сама знаю. Но предупредить-то надо?

МАРБИ. (настойчиво) До свидания, Фиона.

ФИОНА. Усекла про мечту? Срочно заведи мечту. (выходит)

БЕВЕРЛИ. Спасибо. Если я вас правильно поняла.

МАРБИ. Конечно. (протягивает ей руку, Беверли её пожимает) Приходи завтра к десяти.

Работы полно. И договорчик нам надо подписать, формы всякие заполнить.

БЕВЕРЛИ выходит из офиса. Ее ждет ФИОНА.

ФИОНА. Он эти формы нипочем не найдёт. Будешь вкалывать без договора до конца жизни.

БЕВЕРЛИ. Я не собираюсь здесь работать до конца жизни.

ФИОНА. Ха-ха. Срочно заводи мечту, иначе навсегда тут застрянем.

Сцена 3

Телефонная будка.

БЕВЕРЛИ. Дружок. Дружочек. Дружище. Кто же звонит собаке? Кто звонит умершей собаке?

(входит внутрь, словно в тесную раскалённую духовку, набирает номер) Это я.

МАТЬ (голос) Где ты? (щелчок зажигалки)

БЕВЕРЛИ. Неважно. Я просто хотела предупредить, что со мной всё в порядке.

МАТЬ (голос) Ты для этого позвонила? Сказать, что с тобой всё в порядке?

БЕВЕРЛИ. Да.

МАТЬ (голос) Прэлэстно.

БЕВЕРЛИ. Мам, я нашла работу.

МАТЬ (голос) Я никогда без работы не сидела, а толку? Где ты? (пауза) Ладно. Не хочешь – не говори.

БЕВЕРЛИ. Я просто хотела предупредить, что со мной всё в порядке. (вешает трубку, говорит в зал) Потом я закрыла глаза. А когда открыла, увидела наверху слова. Их процарапали на стекле чем-то острым. Вон там, видите? «В скрюченном домишке у скрюченного моря».

Похоже на начало сказки. В скрюченном домишке у скрюченного моря...

Сцена 4

У трейлера. БЕВЕРЛИ и ИОЛА.

ИОЛА. Привет-привет!

БЕВЕРЛИ. Здрасьте.

ИОЛА. Погоди, шланг отключу. Тогда и гостей принимать можно.

БЕВЕРЛИ. Я не в гости, просто мимо шла.

ИОЛА. Ну погоди же! Да что такое... С этим артритом пальцы вообще не гнутся.

БЕВЕРЛИ. Давайте сделаю. Отойдите. (завинчивает кран)

ИОЛА. Вот и умница! Проще простого. Ты чья будешь?

БЕВЕРЛИ. Вы о чём?

ИОЛА. Семья есть? (Беверли пожимает плечами) У тебя нет родственников?

БЕВЕРЛИ. Допустим, нет.

ИОЛА. Родственники есть у всех. Послушай... Ты ведь голодная, верно? Хочешь есть?

БЕВЕРЛИ. Да.

ИОЛА. А зовут тебя как?

БЕВЕРЛИ протягивает ИОЛЕ бейдж из рыбного ресторана.

- ИОЛА. Бе-ве...рил? Тебя зовут Беверил?
- БЕВЕРЛИ. Беверли. Я теперь там работаю.
- ИОЛА. В «Моречке»?
- БЕВЕРЛИ. Да.
- ИОЛА. Вот и славно. Хотя рыбу они ужаривают в смерть, зубы сломаешь. Меня Иола зовут. Иола Джленкинс.
- БЕВЕРЛИ. Понятно.
- ИОЛА. Позволь спрошу тебя кое-что, Бе-ве-рил?
- БЕВЕРЛИ. Беверли.
- ИОЛА. Да я шучу. А теперь вопрос: машину умеешь водить?
- БЕВЕРЛИ. Умею.
- ИОЛА. Вот и славно. Тогда ещё вопрос: в бинго любишь играть?
- БЕВЕРЛИ. В бинго?
- ИОЛА. В лото. С бочонками. Ладно, не бери в голову. Пойдём-ка, бутерброд тебе сделаю. Ты ведь не против тунца?
- БЕВЕРЛИ. (в зал) Да что ж такое?! Везде рыба! (ИОЛЕ) Конечно не против.
- ИОЛА. Вот и славно. Сделаю тебе горячий бутерброд с тунцом. Пальчики оближешь.
- БЕВЕРЛИ. Спасибо. Оближу.
- ИОЛА. Затык у меня. С «понтиаком». Я обещала детям, что больше за руль не сяду. Даже бумагу какую-то подписала.
- БЕВЕРЛИ. Клятву?
- ИОЛА. Вроде того. Договор. Меня сын заставил, Билли. Он юрист. Заставил подписать, что я ни за что не сяду за руль «понтиака» до... дальнейших распоряжений. Или уведомлений. До чего-то дальнейшего.
- БЕВЕРЛИ. Почему?
- ИОЛА. Почему «что»?
- БЕВЕРЛИ. Почему вам нельзя за руль?
- ИОЛА. Ай, ерунда на постном масле. Я немножко перепутала: поехала вперёд, а надо было назад. Ну и ткнулась носом в стену. Можно подумать, я дом насеквоздь протаранила! Пару кирпичей сбила всего-то... ну, от силы десять!
- БЕВЕРЛИ. Так пару? Или десять?
- ИОЛА. Но дом же не рухнул! Вот передок немножко помялся... Нет, ты не думай, «понтиак» на ходу! Но теперь – вон, стоит на приколе. И как жить? Я же с юности за рулём.

БЕВЕРЛИ. Я — с четвертого класса.

ИОЛА. С какого?!

БЕВЕРЛИ. Меня дядя научил. Мать вечно пьяная, и мы решили, что мне надо самой водить.

ИОЛА. Ради всего святого!

БЕВЕРЛИ. Короче, я давно вожу. Уверенно.

ИОЛА. «Понтиак» очень большая машина.

БЕВЕРЛИ. Неважно. Я справлюсь... А машина точно на ходу?

Можно как-то обозначить «Понтиак» — огромный, с вдрызг разбитым передком.

ИОЛА. Ездит как зверь! И вообще... я сейчас заведу мотор и поеду! Плевать я хотела на их договор! Я моих детей с превеликой радостью надую. Сколько они мне врали, пока росли?.. Но если честно — боюсь опять напортачить. Руки-ноги уже не те...

БЕВЕРЛИ. Давайте ключи.

Звуки: хлопают дверцы машины, двигатель, скрежет, машина сдает назад, потом резко трогается вперед, набирает скорость.

ИОЛА. Ого! Ты хорошо назад ездишь.

БЕВЕРЛИ. И вперёд тоже.

ИОЛА. О, боже! Ты права-то уже получила?

БЕВЕРЛИ. Естественно. (в зал) Прав у меня, конечно, нет, мне четырнадцать лет. Через год дадут ученические. Хоть какие... Об этом я всегда мечтала. Уехать. Как можно быстрее. Как можно дальше. «Стряхнув земные грубые оковы, танцую в небесах...» Мы эти стихи в школе наизусть учили. Не особо великие стихи, но про грубые оковы — сильно. Главное — что их можно стряхнуть. «Стряхнув земные грубые оковы, танцую в небесах...»

ИОЛА. Ты чья, дитя?

БЕВЕРЛИ. Ничья.

ИОЛА. Так не бывает.

БЕВЕРЛИ. Но это правда. Ничья.

ИОЛА. А живёшь где?

БЕВЕРЛИ. Не ваше дело.

ИОЛА. Моё, моё это дело. Старым людям до всего есть дело. А давай заключим сделку?

БЕВЕРЛИ. Какую еще сделку?

ИОЛА. Простую: будешь жить у меня. Будешь возить меня в Дом ветеранов и в магазин. Будем помогать друг другу, пока ты не надумаешь вернуться домой.

БЕВЕРЛИ. Вы же меня совсем не знаете.

ИОЛА. Не знаю.

БЕВЕРЛИ. Вдруг я преступница?

ИОЛА. А ты преступница? (*Беверли пожимает плечами*) Муж всегда говорил, что я лохушка. «Иола, тебе сам чёрт всучит бальные туфли, а ты наденешь и — в пляс!»

БЕВЕРЛИ. Почему вдруг черти обувь продают?

ИОЛА. Обмануть нас хотят. А нам приходится включать инстинкты, интуицию, да? Как жить и не доверять друг другу?!

БЕВЕРЛИ. (в зал) А как доверять? Как доверять, если люди тебя бросают? Если люди притворяются, что ты им нужен, а на самом деле это не так? А еще... собаки умирают, и их приходится хоронить... Кому тут доверять?..

ИОЛА. Будем доверять друг другу. Будем помогать друг другу. Живи у меня. В карты играть умеешь?

БЕВЕРЛИ. Конечно.

ИОЛА. На проигрыш не обижаюсь, я не настолько стара. Так что не жалей меня, обыграйвай.

БЕВЕРЛИ. Обыграю, если получится. (в зал) Иола выдала мне ночную рубашку — с розовыми цветочками и кружевным воротничком. Я решила, что скорее умру, чем такое надену. А потом надела. За один день я совершила кучу сомнительных поступков: нанялась на работу в рыбный ресторан, а ведь я ненавижу рыбу; съела бутерброд с тунцом, а ведь я ненавижу рыбу; надела ночную рубашку в цветочек, а ведь я... ну, сами понимаете...

ИОЛА. Этот диванчик в твоём распоряжении. (*принимается стелить*)

БЕВЕРЛИ. Ну что вы! Я умею стелить.

ИОЛА. Не сомневаюсь, милая. Ты всё умеешь. Но сейчас я о тебе позабочусь... Всё. Сладких снов без клопов.

БЕВЕРЛИ. (в зал) Неужели я ушла из дома, чтобы жить в трейлере и играть в карты со старушкой? Тупо. Но дом... ну, то место, где я жила раньше... — не настоящий дом. Мне там ловить нечего. Только там теперь похоронен Дружок — под апельсиновым деревом на заднем дворе... А я здесь. В скрюченном домишке у скрюченного моря. В ночной рубашке в цветочек. Я напишу Райми письмо. Да, точно, завтра же.

Сцена 5

Ресторан «Моречко». БЕВЕРЛИ долго стучит в запертую дверь.

ФИОНА. (выглядывает) Мы пока закрыты. А-а, это ты. Я и забыла. Ты во вчерашнем прикиде?

БЕВЕРЛИ. Это не прикид. Ну и что, если во вчерашнем?

МАРБИ. (тоже выглядывает) Я тебя знаю?

ФИОНА. Вы её вчера наняли. Столы убирать. Подавать не будет, только убирать. И она одежду не меняет, а это фу-фу-фу.

МАРБИ. Ты Беверли-Лу!

БЕВЕРЛИ. Я просто... Да, я Беверли-Лу.

МАРБИ. Давай-ка раздобудем тебе фартук. (приносит фартук с надписью МОРЧКО) Иди сюда, наденем. (помогает ей надеть и завязать фартук) Фиона покажет, где взять тряпки и ведро. А я пойду, позвоню моим девочкам, пожелаю им хорошего понедельника.

ФИОНА. Вторник уже.

МАРБИ. Да?.. Спасибо, Фиона.

ФИОНА. Слушай сюда. Я обслуживаю столики, а ты собираешь грязную посуду, складываешь в ведро, несёшь на кухню и отдаёшь мойщику. Несложно.

БЕВЕРЛИ. Ясно.

ФИОНА. Слушай сюда. Официанткой я подрабатываю, а по-настоящему я – модель. Пока на нижнем белье специализируюсь, но скоро мне доверят одежду, а оттуда прямая дорога в Голливуд. Короче, вечно я тут вкалывать не буду, так что у тебя есть шанс... Что? Не веришь?

БЕВЕРЛИ. Ты выходишь на сцену в нижнем белье?

ФИОНА. У тебя есть заветная мечта?

БЕВЕРЛИ. Нету.

ФИОНА. В этом твоя ошибка. Мыслишь одноколейно, впереди тупик. Надо мыслить широко! Тогда не упустишь свой шанс.

БЕВЕРЛИ. Куда посуду складывать?

ФИОНА. Иди, покажу. Вон там, за перегородкой, Чарли моет посуду. Ему отдаёшь ведро, забираешь пустое.

БЕВЕРЛИ. Ясно.

ФИОНА. Раньше Чарли был крутым футболистом. Но потом порвал голеностоп, и теперь моет посуду. (повысив голос, чтобы было слышно за перегородкой) И будет мыть её всю жизнь, если не сменит своё одноколейное тупиковое мышление на что-то более приличное.

ЛАЙЗА. Чарли не просто моет посуду. Он всё делает. Я без него, как без рук. А на поле он
ещё выйдет.

ФИОНА. Это Лайза. Повариха наша. Она готовит рыбу, поэтому считает, что она тут главная.
Короче. Лайза, это Беверли. Она будет убирать столы.

ЛАЙЗА. У меня так тётку звали – Беверли. Умная была, всегда в корень смотрела. Ты тоже
будь умной. Эта кукла Барби наврёт тебе с три короба. А ты не поддавайся.

ФИОНА. Не врала я ей, ни словечка! Я вообще всегда правду говорю.

ЛАЙЗА. И чай пусть в чайник кладет. Должна быть в жизни хоть какая-то справедливость!

ФИОНА. Короче, вот вёдра. Собираешь грязную посуду, складываешь, отдаешь Чарли.
Ничего сложного, по идее.

ЛАЙЗА. Только идея — одно, а наши зарплаты — другое. За гроши работаем.

БЕВЕРЛИ. (в зал) А потом загудели голоса, замелькали тарелки, вилки, салфетки, ведро
становилось все тяжелее... Болели ноги, руки. На джинсах — пятна кетчупа. Одежда пропахла
рыбой.

МАРБИ. Следуй за мной, Беверли-Лу. Я тебе пока буду наличными платить. Договор
подпишем, просто я никак не найду нужные формы... Но сегодня я плачу тебе под столом.

Понимаешь?

БЕВЕРЛИ. Нет.

МАРБИ. Ты сегодня хорошо пошустрила, я доволен. Вот, держи. (*отдает деньги*) И Лайза
тоже тебя хвалит.

БЕВЕРЛИ. Спасибо.

МАРБИ. До завтра.

БЕВЕРЛИ и ФИОНА.

ФИОНА. (*дает БЕВЕРЛИ два доллара*) Вот.

БЕВЕРЛИ. Это что?

ФИОНА. Чай в чайник кладу. Так что пусть Лайза, ворчунья старая, заткнётся. Не забудь ей
сказать, что я с тобой поделилась, хорошо?

БЕВЕРЛИ. Хорошо.

ФИОНА. Лайза обзывает меня куклой Барби, думает, мне обидно. Но это не оскорбление.
Это комплимент, потому что Барби красивая. Кстати, раньше я работала живой Дарлин.

БЕВЕРЛИ. Что за Дарлин?

ФИОНА. Тоже кукла, как Барби, но не такая знаменитая. Зато она красивее. Я ходила в
костюме Дарлин, купоны раздавала.

БЕВЕРЛИ. Какие купоны?

ФИОНА. Скидочные, чтобы игрушки лучше раскупали. Так я и попала в модельный бизнес.

БЕВЕРЛИ. Ясненько.

ФИОНА. Ну, я же не собираюсь работать в этой дыре до конца жизни. Я не сварливая Лайза и не Чарли, который, хоть и молодой, но всё уже профукал. Я хочу многоного добиться. Ты тоже могла бы... У тебя неплохие ноги, длинные такие. А рост какой? Метр семьдесят пять или хоть семьдесят три наскребёшь? Модельный бизнес любит высоких. Покажи-ка зубы! (*Беверли скалится, Фиона отшатывается*) Ты чего меня пугаешь?

БЕВЕРЛИ. Захотелось.

ФИОНА. Завтра всё-таки надень свежую одежду. Это мой тебе совет.

БЕВЕРЛИ. А мой тебе совет: не лезь в чужие дела. (*слышен шум моря, говорит в зал*) Райми, знаешь, я помню здешний пляж. Меня сюда однажды... давным-давно... привозил отец. Запуск ракеты смотреть. Тут ведь космодром недалеко. Мы выехали затемно и добрались как раз, когда солнце всходило. Сидели рядышком на капоте и смотрели в небо. Отец твердил: «Подожди, подожди. Сейчас взлетит». Капот был тёплый. Двигатель остывал и тикал под нами, точно часы. Точно гигантское сердце. Отец держал меня за руку. И ракета взлетела... Скоро отец ушёл насовсем. Уехал в Нью-Йорк и не вернулся. «Стряхнув земные грубые оковы». Глупый стих. Стихи — это просто слова, которые говорят над могилой. Бросают их в яму, как комья земли.

Сцена 6

У Дома ветеранов.

БЕВЕРЛИ. Мне уже есть восемнадцать.

РАЛЬФ. Милейшие, а где удостоверение личности? С датой рождения.

ИОЛА. Она моя племянница.

РАЛЬФ. Да хоть внучка, хоть жучка! По закону лото — азартная игра. С законом я не спорю.

БЕВЕРЛИ. Я не собираюсь играть. Не очень-то и хотелось.

ИОЛА. Моя милая.

БЕВЕРЛИ. В машине подожду.

ИОЛА. Милая...

БЕВЕРЛИ. Всё в порядке. Мне по барабану.

ИОЛА. Как же ты будешь ждать в машине? Это как-то не по-людски.

БЕВЕРЛИ. Ну, не в машине. Пойду вон, на лошадке покатаюсь. (*Иола уходит, Беверли подходит к металлической лошади-качалке, говорит в зал*) Я таких лошадей с детства помню. Они глотают твои десять центов и везут неведомо куда. Точнее, никуда не везут. Но в детстве я их

обожала. А потом поняла, что они всегда остаются на месте, сколько монет им ни скорми. Мне было года три. Может, четыре.

МАТЬ (голос) Залезай на лошадку, Бевви.

БЕВЕРЛИ. (голос детский) Не хочу.

МАТЬ (голос, орёт) Садись на лошадь!

БЕВЕРЛИ. (голос детский) Не хочу на лошадь.

МАТЬ (голос) Ты же любишь лошадку. Все дети на ней катаются, всегда.

БЕВЕРЛИ. (голос детский) Не всегда.

МАТЬ (голос, орёт) Лезь на лошадь! Веселись!

БЕВЕРЛИ. (голос детский) Не веселись.

МАТЬ (голос) Какая же ты упрямая! Осёл, а не ребёнок.

БЕВЕРЛИ. (хлопает лошадь по металлическому боку) Эй, не грусти. Хотя, конечно, это ужас – стоять тут, перед магазином, и возить детей в никуда... Может, уехать? Ключи от «понтиака» – вот они, в кармане. Уеду, угоню автомобиль. Стану настоящей преступницей. Иола, скорее всего, даже в полицию не заявит. Просто очень расстроится. А это хуже полиции.

ИОЛА. (выходит из Дома ветеранов) Я выиграла. И повеселилась. Только тревожилась, как ты тут одна.

БЕВЕРЛИ. В порядке.

ИОЛА. Теперь нам хватит денег, чтобы купить тебе одежду и хорошенько поужинать. Хочешь есть? Купим гамбургеры и картошку фри.

БЕВЕРЛИ. А вы допускали, что выйдете, а меня тут не будет? Что я заберу машину и уеду?

ИОЛА. Ну, конечно. Но я допускала и другое: я выйду, а ты будешь здесь. И вот. Ты здесь.

Сцена 7

В трейлере.

БЕВЕРЛИ. (в зал) Райми, прости, я все никак не примусь за письмо... Но вот про это я тебе точно напишу. Вот представь: когда я проснулась, Иола варила на кухоньке кофе. Я лежала, вдыхала этот запах, и мне хотелось... мурлыкать.

ИОЛА. На меня иногда нападает хандра. С тобой бывает?

БЕВЕРЛИ. Нет.

ИОЛА. Будто кто-то давит на грудь, так что дышать невозможно, и надеяться не на что. А потом само проходит. Просто надо подождать... Мне за тебя тревожно. Тебя ведь наверняка ищут. Ты ещё маленькая, а маленьким надо жить дома. Хотя мне с тобой хорошо. Ты – моё утешение.

БЕВЕРЛИ. Никто меня не ищет.

РИНА (подходит или голос) Вижу, у тебя компания появилась.

ИОЛА. Появилась.

РИНА Ты кто такая?

ИОЛА. Она моя племянница.

РИНА У тебя есть племянница? Не знала.

ИОЛА. Представь, есть. Вот, в гости приехала.

РИНА Какие у неё волосы тёмные! Ты не итальянка?

ИОЛА. Она моя племянница.

БЕВЕРЛИ. Я её племянница.

РИНА Вы совсем не похожи. Природа чудит. Иола, едем в воскресенье в церковь?

ИОЛА. Со мной племянница съездит, спасибо.

РИНА А за продуктами? (пауза) Ну, как хочешь. (уходит)

ИОЛА. (вслед) Так и хочу. (к Беверли) Это Рина. Она брала меня с собой в магазин, поскольку за руль мне теперь нельзя. Но в лото играть не возила, ни-ни. Она говорит, что лото — это грех, коррупция и аморалка! Нет, ты такое слышала?!

БЕВЕРЛИ. Мне она не нравится.

ИОЛА. Мне тоже. Но зато хандры моей как не бывало. А всё потому, что я ей лапши на уши навешала. Ну, что ты мне племянница. А по магазинам с нейходить противно. Везде скидки ищет. Мой Томми про таких говорил: скучая душонка. Так и есть. Скупердяйка.

БЕВЕРЛИ. Зато волосы красивые. Рыжие.

ИОЛА. Крашеные. Краску тоже по дешёвке покупает.

БЕВЕРЛИ. У вас есть лист бумаги и конверт?

ИОЛА. Есть. Ты напишешь родным? Сообщишь, где ты?.. (пауза) Ладно, не мое дело. (пытается выбраться из шезлонга, замирает на полпути, грузно опускается обратно) Паршивый артрит, колени ломит. Бывают такие дни, прямо всё болит. (БЕВЕРЛИ берет ИОЛУ за руку, тянет, ИОЛА медленно встает) Уф-ф-ф.

БЕВЕРЛИ. Порядок?

ИОЛА. Порядок. (Они вместе, не расцепляя рук, поднимаются в трейлер)

Сцена 8

Ресторан «Моречко». ЛАЙЗА у плиты.

ФИОНА заворачивает столовые приборы в бумажные салфетки. Входит БЕВЕРЛИ.

ФИОНА. Подумать только! Она наконец одежду сменила! Рак на горе свистнул. (Беверли смотрит на нее в упор) Ты чего?

БЕВЕРЛИ. Ничего.

ФИОНА. Забираю свои слова назад. В модели ты не годишься. Ноги у тебя, может, и хорошие, и волосы, и зубы белые, но ты ужасно неприветливая. Какая из тебя модель, если ты бука? Людям нравится, когда им улыбаются. Каждому лично. Вот! (*включает и тут же выключает улыбку*) Вот как это делается. (*выходит*)

ЛАЙЗА. Вчера вечером я вдруг подумала, что ты и не знаешь, что такое «класть чай в чайник». Так вот: наша Барби должна делиться с тобой чаевыми. Десять процентов, по крайней мере. Должна класть тебе «чай в чайник». Она тебе что-нибудь дала вчера? Сколько?

БЕВЕРЛИ. Два доллара... Что? Мало?

ЛАЙЗА. Да ты сама-то поглядывай. Смотри, сколько люди на столах оставляют. Мотай на ус. Разбирайся, сколько тебе причитается. В этом мире каждый за себя.

БЕВЕРЛИ. Но вы за меня, да, Лайза?

Конец рабочего дня. Фиона выдает Беверли два доллара.

БЕВЕРЛИ. Это мои десять процентов? Полностью?

ФИОНА. Ты о чём? (*Беверли молчит, Фиона отсчитывает из толстой пачки ещё три доллара*) Довольна?

БЕВЕРЛИ. Угу. Спасибо.

ФИОНА. О-о-о, вот и Джеромчик. Что-то он рано.

К ним подходит крупный парень в красной майке, с толстой золотой цепью на шее.

Он похож на волка из мультика. Из рта торчит зубочистка.

ФИОНА. Привет, Джером, малыш.

ДЖЕРОМ. У вас новенькая?

ФИОНА. Я тебе про неё рассказывала. Но ты никогда меня не слушаешь.

ДЖЕРОМ. Да я только и делаю, что тебя слушаю. Привет, новенькая! Что, язык проглотила?

МАРБИ. (*появляется, окликает*) Беверли-Лу!

ДЖЕРОМ. Добрый день, мистер Марби!

МАРБИ. Привет, Джером.

ДЖЕРОМ. Как жизнь? Рыба не протухла?

МАРБИ. Рыба – свежак, Джером. Беверли-Лу, зайди-ка в офис.

ДЖЕРОМ. (*вслед Беверли, ерничая*) Приятно провести время в офисе, Беверли-Лу. С мистером Марби, Беверли-Лу!

МАРБИ. (в кабинете) Мне её парень не нравится. Джером этот. Не подарок. Конечно, Фиона тоже не подарок. Но с этим парнем она нахлебается, я прямо чую. Надеюсь, с тобой такого не случится, Беверли-Лу.

БЕВЕРЛИ. У меня нет парня.

МАРБИ. Когда у тебя у самого дети... девочки... поневоле всякие мысли в голову лезут. Родитель всегда думает, как их уберечь, где соломку подстелить. Я скоро найду анкету, и мы сразу оформим договор, но пока вот тебе немного денег.

БЕВЕРЛИ. Спасибо.

МАРБИ. Надеюсь, завтра придёшь?

БЕВЕРЛИ. Конечно.

МАРБИ. А бабушка твоя как поживает?

БЕВЕРЛИ. У меня нет бабушки.

МАРБИ. Ты вроде говорила, что есть?

БЕВЕРЛИ. Нет.

МАРБИ. Просто я видел тебя вчера в машине с твоей бабушкой. (БЕВЕРЛИ пожимает плечами) Значит, обознался. Прости. Вечно я себе что-то хорошее придумываю. Выдаю желаемое за действительное. Это моё свойство приводило мою жену в отчаяние. У меня ведь три дочки, знаешь?

БЕВЕРЛИ. Да. Вы говорили.

МАРБИ. Точно! Наверняка говорил. Ну, хорошего тебе дня, Беверли-Лу. Иди, на солнышке погрейся. До завтра?

БЕВЕРЛИ. Конечно. До завтра.

Сцена 9

ЭЛМЕР за прилавком, с книгой, на обложке — ангел с ярко-синими крыльями.

На груди у ЭЛМЕРА бейджик: «ЭЛМЕР».

БЕВЕРЛИ. А я тебя видела.

ЭЛМЕР. Где?

БЕВЕРЛИ. Ты малышу монетку дал. Чтобы он на лошади покачался... Что читаешь?

ЭЛМЕР. Книгу.

БЕВЕРЛИ. Вижу, что книгу. Про что?

ЭЛМЕР. Про искусство итальянского Ренессанса. Ещё вопросы будут?

БЕВЕРЛИ. Да. Тебя, правда, Элмер зовут?

ЭЛМЕР. А что такого?

БЕВЕРЛИ. Не знаю. По-моему, Элмер — имя для старика. Или для человека, который гонится за двумя зайцами и ни одного поймать не может.

ЭЛМЕР. А я и есть стариk. Мне десять тысяч лет. И последнюю тысячу я живу в этом магазине. За зайцами гоняюсь. Вот догоною и задушу. Голыми руками.

БЕВЕРЛИ. Ого. Кровожадина!

ЭЛМЕР. Знаешь, проживи я на свете десять тысяч лет, я был бы мифом. Или научным чудом. Я бы точно не тратил время на пустые разговоры. Пришла что-то купить — покупай. Пришла вопросы задавать — интервью окончено. Понятно?

БЕВЕРЛИ. Вот как? Ладно! Покупаю. Вон те губы. Нет, левее! (*показывает на конфеты в виде альых восковых губ*) Две пары.

ЭЛМЕР. Ты берёшь губы? Их никто не берет.

БЕВЕРЛИ. Беру. В подарок.

ЭЛМЕР. Вот уж кому-то повезёт.

БЕВЕРЛИ. Я видела, как ты малышу монетку дал.

ЭЛМЕР. И что из этого?

БЕВЕРЛИ. А то. Сидишь тут, читаешь про искусство, разглядываешь ангелов. Детям монетки раздаешь. Притворяешься крутым, но на самом деле ты добрый...

ЭЛМЕР. Спасибо. Припечатала.

БЕВЕРЛИ. А еще есть клей Элмера, ну — kleящий карандаш. Мы в началке аппликации делали, и меня всегда ругали, потому что я этот клей жевала. Потому и жевала, чтобы ругали. Я любила доставать учителей.

ЭЛМЕР. Ты и меня достала.

БЕВЕРЛИ. Ясно: ты стариk, тебе десять тысяч лет, ты убиваешь зайцев голыми руками. Нет, ты вообще не крутой, у тебя рука не поднимется никого убить. Ты этих зайцев просто склеиваешь! Клеем Элмера! В бесконечную гирлянду зайцев... Сдачу оставь себе.

Сцена 10

У трейлера.

БЕВЕРЛИ. Вот, Иола, держите. (*отдает ИОЛЕ пару восковых губ*)

ИОЛА. Спасибо, милая. Что это?

БЕВЕРЛИ. Губы.

ИОЛА. А что с ними делают?

БЕВЕРЛИ. Вот так можно. (*надевает другую пару восковых губ поверх своих собственных*)

ИОЛА. Чего только люди не выдумают! (*Беверли смеется*) Ты первый раз смеёшься, я раньше не слышала.

БЕВЕРЛИ. Вы тоже при мне раньше не смеялись.

Иола снова надевает губы. Беверли безудержно хохочет. Шум океана.

РИНА. Эгей! У вас тут всё в порядке?

ИОЛА. Вполне.

РИНА. Кто ты всё-таки такая? Ты же Иоле не родня. Может, ты вообще мошенница?

БЕВЕРЛИ. Заткнитесь, а?

ИОЛА. Эта девочка — моя племянница!

РИНА. Враньё. Позвоню-ка я Билли. Пусть знает, что мать творит всякое непотребство.

ИОЛА. Не смей звонить. И Билли мне не указ. А девочка моя, родная. И дело с концом.

РИНА. Это мы ещё посмотрим. (*уходит*)

ИОЛА. Ишь, подлюка. А мы так хорошо веселились... Помоги-ка мне встать.

БЕВЕРЛИ. Хотите, я уйду? Я найду, где жить.

ИОЛА. Не вздумай. Этой выдре меня не запугать. Да и куда ты пойдёшь?

БЕВЕРЛИ. Вы тоже считаете, что я мошенница?

ИОЛА. Нет.

БЕВЕРЛИ. Но вы не знаете, кто я.

ИОЛА. Я точно знаю, кто ты. Сейчас сделаем тебе бутерброд с тунцом — зря мы что ли тостер покупали? Всё обойдётся. Всё будет хорошо.

БЕВЕРЛИ. (*садится в шезлонг, говорит в зал*) Всё будет хорошо. Об этом тоже надо написать Райми. В скрюченном домишке у скрюченного моря. Всё будет хорошо в скрюченном домишке у скрюченного моря.

Сцена 11

БЕВЕРЛИ у металлической лошади.

БЕВЕРЛИ. (*в зал*) Райми, послушай... Я не знаю, как это объяснить... Но на следующий день после работы я снова зачем-то оказалась на площади — там, где Дом ветеранов и магазин «Zoom-сити». Спросишь, зачем? Ну, допустим, мне просто захотелось посмотреть на лошадь. Она стояла ровно там, где я её оставила, вся в винтах и болтах, и рот у неё был открыт и зубы торчали.

(*гладит нагретый солнцем бок лошади*) Глупая лошадь.

ЭЛМЕР. (*выглядывает*) Тебе чего? Десять центов?

БЕВЕРЛИ. Нет.
ЭЛМЕР. Тут без возрастных ограничений. Катайся кто хошь.
БЕВЕРЛИ. Ха-ха!
ЭЛМЕР. Не смотри на меня.
БЕВЕРЛИ. И не думаю.

Входит Ральф Жаворонг.

ЭЛМЕР. Угу... Добрый день! Добрый день, мистер Жаворонг.
РАЛЬФ. Привет, Элмер! Я за сигаретами. Даже не пытайся меня отговаривать.
ЭЛМЕР. Мистер Жаворонг, я вам сигарет не продам. И без них кашляете.
РАЛЬФ. Я ее уже видел. Она Иолу в Дом ветеранов привезла. Это твоя подружка, Элмер?
БЕВЕРЛИ. Я ему не подружка.
ЭЛМЕР. Она мне не подружка.
РАЛЬФ. Понял: вы не друзья. Попробуем иначе. Как вас зовут, юная леди? Молчите? Ладно, начну первым. Я Ральф. Ральф Жаворонг. Почти жаворонок, только давно не пою. (*кашляет*) Знаете картину «Песнь жаворонка»?
БЕВЕРЛИ. Нет.
РАЛЬФ. Такая красота. Стоишь и прислушиваешься: вот-вот запоёт... (*кашляет*) Да. Так вот я – Ральф Жаворонг. А вы?
ЭЛМЕР. Какая разница, как её зовут? Я вот не знаю, да мне и не нужно. Проходите, мистер Жаворонг, в магазине прохладнее.

Ральф, грузно опираясь на трость, входит под вывеску «Zoom-сити».

ЭЛМЕР. (*глядя мимо Беверли*) Идёшь?
БЕВЕРЛИ. Ты мне?
ЭЛМЕР. Давай быстрее.
РАЛЬФ. Идите сюда, юная леди. Я вам кое-что покажу. (*достает огромный том сrepidукциями*) Смотрите! Вот она, «Песнь жаворонка». (*кашляет*)
БЕВЕРЛИ. А где жаворонок?
РАЛЬФ. А он нужен? Картина называется не «Жаворонок», а «Песнь жаворонка».
БЕВЕРЛИ. Разве можно нарисовать песню?
РАЛЬФ. Художнику удалось. Ему не понадобился ни музыкальный инструмент, ни даже птица... Скоро Элмер узнает, как это делается.
ЭЛМЕР. Я не иду в искусствоведы. И в художники тоже. Я буду инженером.

РАЛЬФ. Он поступил в университет! На полную стипендию. Вот такой нам с вами попался гений, юная леди. Значит, не продашь сигареты, Элмер? (кашляет)

ЭЛМЕР. Грамм никотина убивает лошадь.

РАЛЬФ. (кашляет) Уже убил. Вы не курите, юная леди?

БЕВЕРЛИ. Нет.

РАЛЬФ. Умница. Ладно, был рад повидать тебя, Элмер. И с вами, юная леди, я тоже был рад познакомиться, хотя имени вашего до сих пор не знаю. Надеюсь, увидимся. (уходит)

ЭЛМЕР. До свидания, мистер Жаворонг.

БЕВЕРЛИ. Это всё твои книжки?

ЭЛМЕР. Библиотечные.

БЕВЕРЛИ. А где та, с ангелом?

ЭЛМЕР. Какая именно? Ангелов полно — в каждом втором произведении искусства.

БЕВЕРЛИ. Ты её вчера читал. Про итальянское искусство эпохи Возрождения.

ЭЛМЕР. (достает книгу) Эта?

БЕВЕРЛИ. Какие крылья... Синие-синие...

ЭЛМЕР. Называется «Благовещение». Нравится? Что именно?

БЕВЕРЛИ. Крылья. Меня зовут Беверли.

ЭЛМЕР. Я — Элмер.

БЕВЕРЛИ. Уже знаю.

ЭЛМЕР. А я напоминаю. Я работаю до пяти. Ну, вдруг ты... хотела спросить.

БЕВЕРЛИ. Даже не думала. (выходит, останавливается возле лошади)

Песня Wynken, Blynken and Nod – один куплет.

ЭЛМЕР. (выглядывает) Что ты здесь делаешь?

БЕВЕРЛИ. Жду.

ЭЛМЕР. Чего ждёшь?

БЕВЕРЛИ. Тебя, балда.

ЭЛМЕР. Скоро сменщик придёт (возвращается в магазин).

БЕВЕРЛИ. (в зал) Иола, наверное, уже беспокоится: куда я запропастилась? Думает, я никогда не вернусь. Стоит, небось, сейчас на ступеньках трейлера и глядит на дорогу. Она ждет меня, я жду Элмера... Люди всегда кого-то ждут...

ЭЛМЕР. Пошли!

БЕВЕРЛИ. Куда идём-то?

ЭЛМЕР. Куда глаза глядят.

Подходят к телефонной будке.

- БЕВЕРЛИ. Погоди. Я тебе кое-что покажу.
- ЭЛМЕР. Будку? Я её сто раз видел.
- БЕВЕРЛИ. Нет. Там, внутри...
- ЭЛМЕР. Что там? Супермен завёлся?
- БЕВЕРЛИ. Ха-ха! Заходи.
- ЭЛМЕР. Сначала ты.
- БЕВЕРЛИ. До чего ж ты недоверчивый. Ладно. Видишь: я жива! Заходи скорее.
- ЭЛМЕР. Здесь воняет. Нас ведьма в печку посадила?
- БЕВЕРЛИ. Задери голову. Ну же! Посмотри вверх. Сюда.
- ЭЛМЕР. О! Наскальные надписи.
- БЕВЕРЛИ. Читай.
- ЭЛМЕР. В скрюченном домишке у скрюченного моря... Хорошо сказано. Мне нравится.
- БЕВЕРЛИ. Ты написал?
- ЭЛМЕР. Я? Не, это не мой жанр. У меня к тебе вопрос.
- БЕВЕРЛИ. Какой?
- ЭЛМЕР. Что тебе понравилось в крыльях? На картине?
- БЕВЕРЛИ. Они синие-синие. Никогда такой сини не видела. Как это делают?
- ЭЛМЕР. Ты о чём?
- БЕВЕРЛИ. Как добиваются такого цвета?
- ЭЛМЕР. Брали лазурит, полудрагоценный камень. Перетирали и делали краску.
- БЕВЕРЛИ. Лазурит.
- ЭЛМЕР. Да. На латыни: Lapis lazuli (лАпис лазУли).
- БЕВЕРЛИ. Lapis lazuli. Где этот твой университет?
- ЭЛМЕР. В штате Нью-Гемпшир.
- БЕВЕРЛИ. Далеко... Ты уедешь... Ты тоже уедешь... Я всё ненавижу.
- ЭЛМЕР. Сколько тебе лет?
- БЕВЕРЛИ. Какая разница? Четырнадцать.
- ЭЛМЕР. Понятно... Слушай внимательно. Лазурит. Ты его не ненавидишь. И ещё меня, да?
- Ты же меня не ненавидишь. До завтра, хорошо?
- БЕВЕРЛИ. Хорошо. (*машет ему вслед, говорит в зал*) Элмера уже не было видно, но я всё равно стояла и махала. Что со мной не так? Зачем махать человеку, который меня не видит?
(кричит) Лазурит! Lapis lazuli! (*в зал*) Какие красивые, синие слова! Я их сразу полюбила. И с этим уж ничего не поделаешь.

Сцена 12

У трейлера.

БЕВЕРЛИ. Привет.

ИОЛА. Привет? Это всё, что ты намерена мне сказать? Привет?

БЕВЕРЛИ. Ну... а что?

ИОЛА. Я тебя жду-жду. Бог знает сколько времени жду.

БЕВЕРЛИ. Зачем? Я не просила...

ИОЛА. Я даже губы твои надела. Надела и села ждать. Думала, ты посмеёшься. Увидишь, как я тут сижу, с этими восковыми губами... Но ты всё не шла. И я их просто съела.

БЕВЕРЛИ. И как? Вкусные?

ИОЛА. Гадость! Воск. И совсем не сладкие.

БЕВЕРЛИ. Не надо меня ждать. Иначе я всё время буду думать, что вы тут ждёте.

ИОЛА. Думай не думай, но это правда. Люди всегда кого-то ждут. На кого-то надеются.

БЕВЕРЛИ. У меня теперь есть друг.

ИОЛА. Ты ж моя милая!

ИОЛА. Его зовут Элмер. Глупое имя. Он работает в «Zoom-сити».

БЕВЕРЛИ. Моя милая! Я так рада. Сейчас дождь пойдёт. Входи уже, не тяни.

БЕВЕРЛИ. (видит конверт и ручку) Что это?

ИОЛА. А на что похоже?

БЕВЕРЛИ. На канцтовары.

ИОЛА. Правильно. Ты говорила, что хочешь написать письмо. Пиши на здоровье.

БЕВЕРЛИ. (в зал) Я взяла ручку и написала:

«Дорогая Райми!

Здесь есть телефонная будка, она стоит на обочине дороги, совсем близко от океана, и кто-то внутри будки, на стекле, нацарапал слова. Не знаю, кто это сделал. Если не искать эти слова, их можно вообще не заметить. Увидишь только, если задерёшь голову и посмотрю под правильным углом. Я тебе обязательно скажу, что там написано. И ещё много всего расскажу. Но сначала у меня к тебе просьба: сходи на могилу к Дружку, ладно?..»

Я исписала лист с обеих сторон. Пришлось попросить у Иолы ещё один лист. А письмо всё не кончалось. Я сидела в скрюченной кухоньке у скрюченного моря и писала письмо.

Сцена 13

Ресторан «Моречко».

ФИОНА. Ты прилично с уборкой справляешься. Да и клиентов могла бы обслуживать. В смысле: ты бы справилась. Только не здесь. Потому что здесь официантка — я.

БЕВЕРЛИ. Угу. Знаю.

ФИОНА. Но мечтать о бОльшем обязательно надо. Я на семинар такой ходила. Называется — «Мечтай с размахом». И, представляешь, сразу после семинара я стала живой Дарлен. Это моя судьба.

БЕВЕРЛИ. Работать куклой?

ФИОНА. Стать знаменитой.

БЕВЕРЛИ. Ясно.

ФИОНА. Джером тоже мечтает о бОльшем. Но ему семинары не нужны. Он и так скоро разбогатеет.

БЕВЕРЛИ. Ещё бы.

ФИОНА. У него голова варит. У него есть план.

БЕВЕРЛИ. Ага.

ФИОНА. Фырчи сколько влезет, но я о тебе же забочусь. Конечно, если ты хочешь всю оставшуюся жизнь со столов убирать, запретить не могу. Хороша компания: недотёпа Чарли, сварливая Лайза и главный наш рыболюб. О, легок на помине!

МАРБИ. (входя) Фиона, хорошо ли курить над столовыми приборами?

ФИОНА. Хорошо. Я всегда курю, когда салфетки кручу.

МАРБИ. Я тут подумал. Нам в этом заведении нужно чаще улыбаться. Нам всем.

ФИОНА. Я всегда улыбаюсь.

МАРБИ. В конце концов, мы с клиентами работаем.

БЕВЕРЛИ. А не с рыбой?

ФИОНА. Если улыбаться, чаевых больше дают. Кстати: Лайза и Чарли никогда не улыбаются.

МАРБИ. Они на кухне. А вы — лицо заведения. Фиона, потуши сигарету и начнем шоу.

ФИОНА. Какое шоу?

БЕВЕРЛИ. Рыбное. Ежу понятно. (в зал) Райми, я тебе потом покажу одну фотографию...

Просто в тот день я опять ждала мистера Марби в кабинете. Ну, не его, конечно, а зарплаты.

Дверца сейфа у него всегда открыта. Там лежали пачки двадцаток, резинкой стянутые. Забрать — раз плонуть. Даже сейф вскрывать не надо. А еще там была фотография: мистер Марби в колпаке Санты. На коленях у него ребёнок в колпаке Санты. На полу сидят две девочки с красными бантиками. Рядом женщина, тоже в колпаке. Все улыбаются. Вот это фото я и забрала.

МАРБИ. Беверли-Лу, я тобой горжусь, ты отлично выполняешь свою работу. В какой-то момент мы заполним все документы, чин по чину. А пока – вот зарплата. (*дает деньги*)

БЕВЕРЛИ. Спасибо, мистер Марби. (*выходит из кабинета*)

ФИОНА. Держи (*дает деньги*). И скажи Лайзе, что я делюсь чаем.

БЕВЕРЛИ. (*кричит*) Спасибо, Лайза.

ФИОНА. Деньги даю я, а спасибо ей? За что?

ЛАЙЗА. (*голос, кричит*) С людьми нужно по справедливости. Я не шучу.

ФИОНА. О чём она?

БЕВЕРЛИ. О справедливости.

ФИОНА. О какой?

БЕВЕРЛИ. Не бери в голову.

ДЖЕРОМ. (*входит*) Привет, Беверли-Лу. Я вчера застукал тебя с парнем, вы по дороге шли.

БЕВЕРЛИ. Допустим, застукал. И что?

ДЖЕРОМ. И ничего. Гуднул вам разок. Но влюблённые никого не замечают. А твоего бойфрендика я знаю. Мы в одном классе учились. Кликуха у него была. Элмерка-говномерка.

БЕВЕРЛИ. Заткнись уже, а?

ДЖЕРОМ. Ах, какие мы нежные! Беверли-Лу с Говномеркой сели на пенёк и Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я. Передай своему Элмеру приветик. Мол, Джером шлёт спасибо за помощь по Ал-Ге-Бре.

Сцена 14

Магазин «ZOOM-сити».

ЭЛМЕР. Привет!

БЕВЕРЛИ. Ты не говорил, что знаешь Джерома.

ЭЛМЕР. Кого?

БЕВЕРЛИ. Джерома. Ты ему с алгеброй помогал, да?

РАЛЬФ. (*входя*) Всем добрый день.

БЕВЕРЛИ. Так что? Знаешь его?

РАЛЬФ. Знаешь кого?

БЕВЕРЛИ. Джерома.

РАЛЬФ. Кто такой Джером?

БЕВЕРЛИ. Да, Элмер. Кто такой Джером?

ЭЛМЕР. Хорошо, давай разберёмся. Кто такой Джером? Это человек, который каждый день на физре стаскивал с меня шорты. До колен. Вместе с трусами. Потому что оставить человека без трусов – это же веселуха! Нет, не так. Не каждый день. Джером делал паузы. Чтобы я в этих паузах дрожал. Чтобы боялся. О, Джером умел себя развлечь. И других заодно.

РАЛЬФ. Подожди. Ты о чём? Что происходит, ребята?

ЭЛМЕР. Кроме того, Джером — это человек, который залепил мне рот клейкой лентой, обмотал меня всего этой лентой и приkleил к стулу. Скотчем! Оригинальная идея, скажи? А? Кто такой Джером? Отвечу: это человек, который использовал своё разностороннее воображение, своё философское мышление, чтобы при克莱ить меня к стулу и запереть в шкафу, где хранят вёдра и щётки. Угадай, как долго я там пробыл? Полдня. Половину учебного дня. Меня нашёл мистер Еровский, школьный уборщик. Это тоже было весело, потому что, когда уборщик открыл шкаф, он начал орать на меня по-польски. Ха-ха-ха, что может быть смешнее, чем уборщик, который орёт по-польски на мальчика, обёрнутого клейкой лентой? Да ничего! Ничего смешнее не бывает!

БЕВЕРЛИ. Хватит! Поняла.

ЭЛМЕР. Нет, ты не поняла. Ты забыла об алгебре. Я же «помогал» Джерому с алгеброй, так? А это значит, что Джером списывал у меня домашку каждый божий день. Я иногда специально решал неверно. Получал пару, чтобы он тоже получил пару. Но ему начихать. Он — Джером. Так что, да, Джерома я знаю. Я отлично знаю Джерома.

РАЛЬФ. Ничего себе история. Если я правильно расслышал...

БЕВЕРЛИ. Мне пора.

ЭЛМЕР. Конечно. Пока.

Сцена 15

У трейлера.

ИОЛА. Я ждала тебя, милая. Не требуй, чтобы не ждала, потому что я всё равно жду. И посмотри, какая радость! (*размахивает газетой, читает*) «Рождество в июле. Выиграй самую большую в мире индейку! Танцуй под живую музыку! Укрась ёлку!»

БЕВЕРЛИ. Сейчас август. Почему тогда «Рождество в июле»?

ИОЛА. «Рождество в июле» — это традиция. В Доме ветеранов празднуют каждый год. В этом году они просто опоздали. Но все будет! Завтра вечером! Они такие затейники! Приглашают гостей любого возраста — ты тоже можешь пойти. О, как прекрасно! Я люблю танцевать. А ты?

БЕВЕРЛИ. Нет.

ИОЛА. Танцевать все любят. В этом году там ещё и лотерея! Вот бы индейку выиграть!

БЕВЕРЛИ. А можно Элмер придёт к нам на ужин?

ИОЛА. Кто?

БЕВЕРЛИ. Элмер. Мой друг. Мы вчера подружились, я рассказывала.

ИОЛА. Элмер, твой друг. Конечно, можно. Когда?

БЕВЕРЛИ. Сегодня можно? Сейчас?

ИОЛА. (растерянно) Да... Конечно!

БЕВЕРЛИ. Тогда я за ним сбегаю! (убегает)

ИОЛА. Боже ты мой. Уже встаю. Начинаю готовить. (кричит вслед) Бутерброды с тунцом?

Сцена 16

Магазин «ZOOM-сити», потом трейлер.

БЕВЕРЛИ. Тебе нравятся бутерброды с тунцом? (пауза) Ты сможешь прийти на ужин сегодня вечером? (пауза) Ладно, чему равен квадратный корень из двух?

ЭЛМЕР. Когда ты перестанешь задавать вопросы?

БЕВЕРЛИ. Когда ты начнёшь отвечать. Так ты придёшь на ужин сегодня вечером? (ЭЛМЕР молчит) Почему нет?

ЭЛМЕР. Не надо меня жалеть.

БЕВЕРЛИ. Я тебя не жалею.

ЭЛМЕР. Так я и поверил. А Джером рассказал тебе, как он меня называл?

БЕВЕРЛИ. Говно... что-то...

ЭЛМЕР. Вот именно, ЭлмЕрка-говномерка.

БЕВЕРЛИ. Забудь.

ЭЛМЕР. Мне твоя жалость не нужна. И домой я к тебе не пойду.

БЕВЕРЛИ. Это не мой дом. Я просто там сейчас ночую. В розовом трейлере. Там живет старушка, её зовут Иола. Это рядом с океаном. В скрюченном трейлере у скрюченного моря. Пойдём! Ведь ты сам написал эти слова в телефонной будке, да?

ЭЛМЕР. Я же говорил, что не я. Почему вдруг я?

БЕВЕРЛИ. Потому что мне очень нравятся эти слова. Они прямо для меня написаны. Уже почти пять. Я тебя на улице подожду. А после ужина отвезу. У Иолы «понтиак».

ЭЛМЕР. «Понтиак»! Нет уж, спасибо. Ты ещё возрастом не вышла, чтобы меня возить.

БЕВЕРЛИ. Я отлично вожу. Жду тебя у лошади.

Конец первого акта.

АКТ 2

Сцена 17

БЕВЕРЛИ стоит около скрипучей металлической лошади. Выходит ЭЛМЕР.

ЭЛМЕР. Ладно. Твоя взяла. Пошли...
БЕВЕРЛИ. Эта лошадь меня с ума сводит.
ЭЛМЕР. Эта лошадь, спасибо ей, детей всё-таки радует.

Они идут мимо телефонной будки.

ЭЛМЕР. В скрюченном домишке...
БЕВЕРЛИ. ... у скрюченного моря.
ЭЛМЕР. Что с твоим зубом?
БЕВЕРЛИ. А что не так?
ЭЛМЕР. У тебя передний зуб отколот.
БЕВЕРЛИ. Ну, я тогда маленькая была.
ЭЛМЕР. И что случилось?
БЕВЕРЛИ. Убегала от одного типа. Маминого дружка.
ЭЛМЕР. Почему?
БЕВЕРЛИ. Потому что он за мной гнался.
ЭЛМЕР. А почему гнался?
БЕВЕРЛИ. Потому что я взяла его кошелёк. Он понял, что это я взяла, и погнался, аж на улицу выскочил и давай орать: «Девчонка сопливая! Верни кошелёк!» Он, кстати, был в одних трусах. Я улепётывала со всех ног, а потом споткнулась, упала лицом об асфальт и сломала зуб. После этого мама перестала с ним встречаться. Или наоборот — он перестал с ней встречаться. Потому что я там под ногами путалась. Сопливая девчонка.
ЭЛМЕР. Мерзкий тип.
БЕВЕРЛИ. Да ладно. Без разницы. Мне было по барабану.
ЭЛМЕР. Уеду отсюда без оглядки.
БЕВЕРЛИ. Хочешь убежать от Джерома?
ЭЛМЕР. Нет. Джеромы есть везде.
БЕВЕРЛИ. Почему ты с ним не дрался? (Элмер пожимает плечами) Я бы выбила из него весь этот сволочизм. Может, ещё и выбью. На днях.
ЭЛМЕР. Не все такие, как ты. Не все едят клей и крадут кошельки.
БЕВЕРЛИ. Ну вот, мы и дома! Вот он, розовый трейлер. А вот Иола!

ИОЛА. Привет, привет! Значит, ты друг Беверли. Ты – Элмер. Боже, какой верзила!
Танцевать умеешь?

ЭЛМЕР. Не совсем... То есть... я не пробовал.

ИОЛА. Хочешь, научу? Завтра вечером в Доме ветеранов танцы-шманцы. Пойдём втроём.

БЕВЕРЛИ. Иола...

ИОЛА. Тсс. Пусть мальчик решит сам. (*вытаскивает из кармана вырезку из газеты, отдает Элмеру, поёт*) Та-да-да-дам!

ЭЛМЕР. (*читает*) «Рождество в июле». Но сейчас август.

ИОЛА. Танцы – это что-то! Заходите, оба. Я сделала бутерброды с тунцом.

ЭЛМЕР. Спасибо.

ИОЛА. Подвинься чуток, девонька. Обычно-то нас за этим столом только двое, я да она. А раньше я вообще тут одна куковала. Но сейчас нас трое. Трое нас. Мне нравится, когда нас больше, а не меньше. Правда же, хорошо?

ЭЛМЕР. Да, мэм.

ИОЛА. Ой, нет. Вру. Нас больше! Тут еще живет кот Сон.

ЭЛМЕР. Откуда такое имя?

ИОЛА. Стишок помнишь? Жмурка, Моргалка и Сон. Они еще в деревянном башмаке уплыли.

ЭЛМЕР. Помню. А остальные где?

ИОЛА. Остальных уже нет. Раньше тут жили и Жмурка, и Моргалка. Теперь только Сон. Это и называется старость: сидишь, наблюдаешь за всеми людьми и всеми кошками и всеми собаками — господи, да за всем и всеми на свете! — а они идут мимо, мимо... и исчезают без следа. А ты пока остаёшься и ходишь на танцы.

БЕВЕРЛИ. Хватит уже про танцы!

ЭЛМЕР. Я пойду с вами на танцы.

БЕВЕРЛИ. Что?

ЭЛМЕР. Пойду.

ИОЛА. Мы все пойдем! Втроём! Славно-то как!

Пауза. Шум океана.

БЕВЕРЛИ. Элмер уезжает. В университет.

ИОЛА. Какой молодец. А где твой университет?

ЭЛМЕР. В Нью-Гэмпшире.

БЕВЕРЛИ. Он хочет стать инженером. Но на самом деле любит искусство.

ЭЛМЕР. Мне нравится смотреть на картины. И рисовать люблю. Рисую, конечно, не ахти...

ИОЛА. Ой, а напиши мой портрет! Всю жизнь мечтаю, чтобы кто-нибудь мой портрет сделал. Масляными красками.

ЭЛМЕР. Красками я не умею. Просто – карандашом, углём.

ИОЛА. И так можно! Ты, главное, нарисуй меня молодой, а чем — неважно. Погоди-ка. (*достает фотографию*) Это я! В день свадьбы. А это Томми, муж мой. Ну, можно меня узнать?

БЕВЕРЛИ. Красивая.

ИОЛА. Да ладно! Счастливая я тут, вот и всё. Я любила Томми, а он меня. Знаешь, как мы познакомились? Мы играли вместе в спектакле. Мне было шесть лет, а ему семь. Он играл солнце, а я луну. Нас поднимали на верёвках, высоко-высоко над сценой. Сначала солнце всходило, потом заходило. Это был Томми. А потом всходила луна, и это была я. Сначала солнце, потом луна. Я до сих пор помню свою роль: «О, мир в моём пятнистом свете!»

ЭЛМЕР. А у Томми какой был текст?

ИОЛА. «Сияю я весь день. И свет мой ясен. Мой свет правдив и смел, мой свет прекрасен!» Так и было. Он такой и был. Хороший человек. А танцевал как!

ЭЛМЕР. Я могу вас нарисовать. Прямо сейчас.

ИОЛА. Сейчас? Такую, как я сейчас? Или такую как тогда?

ЭЛМЕР. Обеих. Если хотите. (*достает из сумки блокнот и карандаш*) Сядьте около лампы. И постараитесь не шевелиться... (*к Беверли*) Я тебя тоже нарисую. Если захочешь.

БЕВЕРЛИ. Вот ещё. Зачем?

ИОЛА. О, деточка! Как прекрасно будет поставить тут твой портрет!

На пляже. Шум океана.

БЕВЕРЛИ. Она так радуется.

ЭЛМЕР. Хотя рисунок не очень....

БЕВЕРЛИ. Я не только про рисунок. Вообще. Что мы там с ней были.

ЭЛМЕР. Мы?

БЕВЕРЛИ. Мы. Ты и я. Элмер и Беверли. Беверли и Элмер. В любом порядке.

ЭЛМЕР. Солнце и луна?

БЕВЕРЛИ. Ага... У меня есть подруга, которая однажды исчезла. Её зовут Луизиана, она жила с бабушкой, а несколько лет назад они обе просто исчезли.

ЭЛМЕР. Как исчезли?

БЕВЕРЛИ. Так. Были и нету. Мы стали её искать. Я и ещё одна наша подруга, Райми.

ЭЛМЕР. Райми.

БЕВЕРЛИ. Да, моя самая близкая подруга. Мы с Райми пошли в дом, где жили Луизиана и её бабушка, и там было пусто. Только наши голоса эхом от стен отскакивают. Вообще там всегда было пусто — они без мебели жили. Но теперь это «пусто» стало другим. Сразу ясно: их нет и не будет, понимаешь?

ЭЛМЕР. Что с ней случилось?

БЕВЕРЛИ. Она сейчас в Джорджии. У неё теперь есть семья.

ЭЛМЕР. А у тебя?

БЕВЕРЛИ. Раньше у меня была собака. Дружок. Из приюта. Мы втроём — я, Луизиана и Райми — его спасли. Теперь Дружок умер. Я его похоронила на заднем дворе и приехала сюда, потому что... такая пустота... нестерпимая.

ЭЛМЕР. А как же мама?

БЕВЕРЛИ. Что «как же мама»?

ЭЛМЕР. У тебя ведь есть мама? Она знает, где ты?

БЕВЕРЛИ. Я ей позвонила. Сказала, что со мной всё в порядке.

ЭЛМЕР. Ты вернёшься домой?

БЕВЕРЛИ. Не знаю.

ЭЛМЕР. Мои родители очень рады, что я получил эту стипендию, что я смогу дальше учиться. Но мама всё время плачет.

БЕВЕРЛИ. Потому что ты уезжаешь?

ЭЛМЕР. Да. Я для неё малыш.

БЕВЕРЛИ. Ну, у меня другой случай. Я для мамы никто. Она без меня прекрасно обходится.

ЭЛМЕР. Спорим, не прекрасно?

БЕВЕРЛИ. Да она даже не замечает, дома я или ушла.

ЭЛМЕР. Спорим, замечает?

БЕВЕРЛИ. Сомневаюсь. Зато у меня на работе есть Лайза, повариха наша. Она за мной приглядывает. Следит, чтобы официантка Фиона со мной чаевыми делилась. И ещё Лайза всё время твердит про справедливость. Любимое слово у неё. Я про это думала, только в жизни справедливости нет, как ни старайся.

ЭЛМЕР. Но справедливости надо добиваться, разве нет?.. Я вижу звёзды.

БЕВЕРЛИ. Да. Я тоже вижу.

ЭЛМЕР. «Звёзды — такие рыбёшки-селёдки, что плещутся в синих волнах».

БЕВЕРЛИ. Сам придумал?

ЭЛМЕР. Нет, это из стишка про Жмурку, Моргалку и Сон.

БЕВЕРЛИ. А остальное помнишь?

ЭЛМЕР. «Закидывай сети хоть вдаль, хоть близ — мы улизнём без труда!» И ещё оттуда строка: «Куда вы идёте? Куда и зачем? — спросила старушка-луна». Целиком не помню, только кусочки.

БЕВЕРЛИ. Когда умер Дружок... когда мы его похоронили, мы читали стихи. Райми сказала, что так надо. Про «земные грубые оковы». Знаешь такой стих?

ЭЛМЕР. Знаю, да. Сам не пишу, но поэзия мне нравится. Конечно, парням любить стихи вроде как не пристало. А то какой-нибудь Джером услышит и начнет из тебя дурь выбивать. (кричит) Но я люблю стихи!!! Кричать прикольно. Попробуй. Кричи правду о самом главном.

БЕВЕРЛИ. (кричит) Я по всем скучаю!!!.. Я скучаю по папе!

ЭЛМЕР. Где он? Где твой папа?

БЕВЕРЛИ. Ушёл. Я не знаю, где он. Может, в Нью-Йорке. По крайней мере, когда я что-то о нём знала, он был в Нью-Йорке. Стряхнул земные грубые оковы.

ЭЛМЕР. Старые добрые оковы... Знаешь, что мне сказал уборщик?

БЕВЕРЛИ. Какой уборщик?

ЭЛМЕР. Мистер Еровский. Который орал на меня по-польски, когда я вывалился из шкафа со швабрами. Когда он проорался и стал отдирать с меня скотч, у него руки дрожали. Он плакал и повторял: «Быстро, быстро. Я дергать быстро. Больно не так быстро». Я хотел сказать ему, что всё в порядке, я потерплю. Но у меня рот был заклеен — он его боялся тронуть до последнего. Только плакал и повторял: «Прости, я не делать больно. Я не делать больно». Он плакал. И я плакал.

БЕВЕРЛИ. Как там было про селёдочек?

ЭЛМЕР. «Звёзды — такие рыбёшки-селёдки, что плещутся в синих волнах».

БЕВЕРЛИ. Звезды — селёдки? Несусветная глупость.

ЭЛМЕР. Почти всё в жизни несусветная глупость. Кстати, ты на танцы-то хочешь пойти?

БЕВЕРЛИ. Конечно... (пауза) Может, мы даже выиграем самую большую в мире индейку.

ЭЛМЕР. (бормочет) Запросто...

БЕВЕРЛИ. А как там было про сети? Скажи ещё раз? (смотрит на Элмера) Заснул... Какие же там слова? Забрасывай сети, куда захочешь? Нет, лучше так: не бойся забрасывать сети, и однажды ты поймаешь селёдочек, которые будут сверкать, как звёзды.

БЕВЕРЛИ ложится на песок рядом с ЭЛМЕРОМ.

Шум океана.

Сцена 18

Ресторан «Моречко». На двери объявление.

БЕВЕРЛИ. (читает) «Мы сегодня закрыты ввиду небольших проблем. Но уже завтра вас ждет самая вкусная рыба из Моречка!» (входит в кухню, на полу крутится вентилятор) Привет.

ЛАЙЗА. Привет, тетя Беверли.

БЕВЕРЛИ. Что случилось?

ЛАЙЗА. Мы бастуем. Слово «забастовка» слышала?

БЕВЕРЛИ. Слышала. Но мы-то почему бастуем?

ЛАЙЗА. Сама не понимаешь? За справедливость боремся. Чтобы всё по-честному. Чтобы чаевые поровну. И зарплата повыше. Я не готовлю рыбу, а Чарли не моет посуду. Хозяин у нас попляшет.

БЕВЕРЛИ. Где он?

ЛАЙЗА. Да в офисе небось! Обхватил голову руками и думает: как мне выпутаться? Только, ему не выпутаться. Слишком поздно. (хлопает руками по столу) Настало время перемен.

ФИОНА. (бегает) Что же вы жизнь-то всем портите?! Так нельзя!

ЛАЙЗА. (обращаясь к БЕВЕРЛИ) В карты играешь?

БЕВЕРЛИ. Конечно.

ЛАЙЗА. Подсаживайся. Сейчас Чарли подойдет.

ФИОНА. Не играй с ними. Ты ещё можешь стать официанткой. Или живой Дарлин.

БЕВЕРЛИ. Я не хочу быть живой Дарлин.

ЛАЙЗА. Кто такая Дарлин?

ФИОНА. Знаменитость. Не то что некоторые.

ЛАЙЗА. Мало ли кто чем прославился.

МАРБИ. (входит) Надо открыть заведение! Мы готовы жарить рыбу?

ЛАЙЗА. Нет. Не готовы.

МАРБИ. У меня трое детей.

ЛАЙЗА. И что? Я пятерых подняла. У меня шестнадцать внуков.

БЕВЕРЛИ. Во что играем?

ЛАЙЗА. В покер.

МАРБИ. Я тружусь, чтобы мир стал лучше и не обижал моих детей.

ЛАЙЗА. А вы потрудитесь, чтобы мир стал лучше для всех. Мне нужны оплаченные больничные. И хоть какая-то страховка. Я устала получать деньги под столом.

ФИОНА. Я тоже хочу, чтобы мир стал лучше для всех.

МАРБИ. (обходит кухню, заглядывает в сковороду) Ты с этим умеешь управляться?

ЛАЙЗА. Уж небось.

МАРБИ. Я не с вами разговариваю.

ЛАЙЗА. Отлично. Я тоже не с вами.

ФИОНА. Мистер Марби, я сегодня, ясное дело, без чаевых. Но на работу-то я вышла. Вы мне хоть за выход заплатите?

МАРБИ. С какой стати? За что платить? Никто не работает! А мне троих детей кормить надо. Жена со мной уже два года не разговаривает. Почему? Не объяснить. Никому не объяснить. Да и себе... А детям и подавно. Иногда всё выходит из-под контроля.

ЛАЙЗА. Именно.

ФИОНА. Мистер Марби, я коплю деньги, чтобы переехать в Голливуд. Там моя судьба. Если вы не заплатите, я буду искать другую работу.

МАРБИ. Ищи.

ФИОНА. Но, мистер Марби, я ваша лучшая официантка!

ЛАЙЗА. Не лучшая, а единственная. Никакой конкуренции. Мистер Марби, оставьте краники в покое, а то всех нас на тот свет отправите. Значит, так. Мне надоело, что меня за дуру держат. Этот ресторан делает хорошие деньги. Поэтому идите-ка в офис, берите счётную машинку и кумекайте, как сделать, чтобы нам на прожитьё хватало. Договорчики подпишите.

МАРБИ. Подпишу. (*наклоняется, отключает вентилятор, берет его в руки*)

ЛАЙЗА. Вентилятор нам оставьте.

МАРБИ. Оставлю. (*включает вентилятор, выходит из кухни*)

ФИОНА. Ужас. Со мной никогда такого ужаса не случалось.

ЛАЙЗА. Это разве ужас? Это ничто.

ФИОНА. Тебе нельзя с ними.

БЕВЕРЛИ. Можно. Я с ними.

ФИОНА. А я нет. (*выбегает*)

ЛАЙЗА. Ну и ладно.

БЕВЕРЛИ. Ну и ладно.

ЛАЙЗА. Ты понимаешь, что мы с Чарли никуда отсюда не денемся? С места не стронемся, пока договоры не подпишем. Останемся на ночь, если потребуется.

БЕВЕРЛИ. Ночевать тут будете?

ЛАЙЗА. Хоть десять ночей. У меня рыбы полный холодильник. Продержимся.

ФИОНА. (*вбегает обратно*) Он найдёт других людей. Незаменимых нет.

ЛАЙЗА. Шагу отсюда не сделаю.

ФИОНА. (*обращаясь к Беверли*) Ты-то хоть мозги включи.

БЕВЕРЛИ. Я остаюсь.

ФИОНА выбегает.

- ЛАЙЗА. Она вернётся. Такие вечно туда-сюда бегают.
- ФИОНА. (вбегает) Мы хозяева своей судьбы, мы сами за себя отвечаем, так?
- ЛАЙЗА. Именно.
- ФИОНА. Лайза, я говорю с Беверли. Не думала, что ты такая предательница. Да скажи мне спасибо, что ты тут вообще работаешь! И бейдж этот я для тебя сделала.
- БЕВЕРЛИ. Ага, имя моё с ошибкой написала. А в чём предательство? Я просто сижу здесь, в покер играю.
- ФИОНА. У-у-у... Предательница. (выбегает)

Сцена 19

По пути к трейлеру, у трейлера, затем – Дом ветеранов.

- БЕВЕРЛИ. Я обещала отвезти Иолу на танцы. Но по-хорошему, мне сейчас надо бастовать с Лайзой и Чарли.
- ЭЛМЕР. По-хорошему надо вернуться домой.
- БЕВЕРЛИ. Ну? А мы куда идём?
- ЭЛМЕР. Я про твой настоящий дом.
- БЕВЕРЛИ. Не хочу.
- ЭЛМЕР. А как же школа?
- БЕВЕРЛИ. Причём тут школа?
- ЭЛМЕР. Скоро учебный год начнется. Надо доучиться, аттестат получить.
- БЕВЕРЛИ. Точно надо?

Подходят к трейлеру. ИОЛА приоделась для танцев.

- ЭЛМЕР. Прекрасно выглядите, миссис Дженкинс.
- ИОЛА. А ты с пиджаком!
- ЭЛМЕР. Да, и вот ещё, посмотрите! (достает из сумки с книгами полосатый галстук)
- ИОЛА. Ты принёс галстук?!
- ЭЛМЕР. Мы же на танцы? Значит, нужен галстук. (отдает Беверли листок) Держи.
- БЕВЕРЛИ. Что это?
- ЭЛМЕР. Ты. Твой портрет.

Беверли осталенело смотрит на рисунок.

- ИОЛА. Только погляди! Ты такая красавица!
- БЕВЕРЛИ. Спасибо. (складывает листок пополам)
- ИОЛА. Ты что, милая?! Портрет испортишь!
- ЭЛМЕР. Да ладно. Можешь порвать.
- ИОЛА. Дай-ка мне.
- ЭЛМЕР. Ладно, невелика ценность.
- ИОЛА. Велика!
- БЕВЕРЛИ. Ну что, поехали на ваши дурацкие танцы?!
- ИОЛА. Ой, сердце-то как бьётся! Вот бы выиграть индейку! Скорее, вы, копуши! (уходит)
- БЕВЕРЛИ. Прости, что я его сложила... Я про портрет.
- ЭЛМЕР. Ладно. Мне всё равно.
- БЕВЕРЛИ. Я испугалась. Не знаю почему. Я узнала себя и в то же время не узнала. Прости... У тебя прыщики на лбу. Ой, один лопнул... Больно тебе?
- ЭЛМЕР. Ты о чём?
- БЕВЕРЛИ. Лицо болит?
- ЭЛМЕР. Знаю, я должен сказать: «Ничуть! А почему ты спрашиваешь?» А ты скажешь: «Потому что мне даже смотреть на тебя больно».
- БЕВЕРЛИ. Нет. Наоборот. Я люблю на тебя смотреть.
- ЭЛМЕР. Да, прыщи – это больно. Но терпеть можно. Главное, эта боль не навечно. Так меня мама утешает...
- БЕВЕРЛИ. Где берут лазурит?
- ЭЛМЕР. Не знаю. Где-нибудь далеко. На востоке. Я выясню.

Она берет его за руку. Потом пытается разжать пальцы, он не отпускает.

- ЭЛМЕР. Погоди.
- ИОЛА. (голос) Беверли! Элмер! Идите танцевать.
- БЕВЕРЛИ. Если честно... Я не умею.
- ЭЛМЕР. Пойдем.

В Доме ветеранов.

- РАЛЬФ. Индейка! Кому индейку! Покупайте билетики! Выиграйте индейку!
- БЕВЕРЛИ. Почём билеты, мистер Жаворонг?

РАЛЬФ. Пятьдесят центов — и вы, юная леди, выиграли самую крупную в мире индейку!

БЕВЕРЛИ. Два, пожалуйста.

РАЛЬФ. Напишите своё имя на обороте и бросьте билеты в синюю миску. Это шанс!

ЭЛМЕР. (подходит) И мне дайте, мистер Жаворонг. Два.

РАЛЬФ. Молодые люди. Хотите знать, что я понял за свои девяносто два года?

ЭЛМЕР. Хотим.

РАЛЬФ. В этом мире иногда случаются чудеса. (кашляет) Просто надо петь. Взмыть в поднебесье и петь. Как жаворонок. (идет дальше) Билетики! Лотерея! Купи билет и выиграй самую большую в мире индейку!..

БЕВЕРЛИ. У тебя есть, чем писать?

ИОЛА. (подходит) Музыканты приехали! Сейчас будут танцы-шманцы. Я забираю у тебя кавалера! (уводит Элмера, тот успевает вынуть и отдать Беверли ручку)

БЕВЕРЛИ. (снова подходит к Ральфу) Мистер Жаворонг, а дайте мне билетов на двадцать долларов. Нет, лучше на сорок.

РАЛЬФ. Восемьдесят билетов? Юная леди, индейка не так велика!

БЕВЕРЛИ. Да, давайте на все. (отдает деньги, говорит в зал) Райми, я написала имя Иолы на билетиках восемьдесят два раза, у меня даже рука затекла. Иола Джленкинс. Иола Джленкинс. Иола Джленкинс... Однажды в третьем классе я ударила в нос одну противную девчонку. Она всегда делала правильно и всех вокруг учila, как жить. Дать ей в нос оказалось приятно. Было много крови, а извиняться я отказалась, и меня заставили после уроков писать на доске: «Я поступила плохо, и мне стыдно». Двести раз. Но стыдно мне не было. А написать имя Иолы восемьдесят два раза — счастье. Имя очень красивое.

ИОЛА. (подходит) О, снова вальс. Пора танцевать, милая.

БЕВЕРЛИ. Не пора.

ИОЛА. Я научила Элмера, а он научит тебя.

БЕВЕРЛИ. Нет.

ИОЛА. Да! (подходит Элмер) Вот и ты, Элмер. А вот твоя Беверли.

БЕВЕРЛИ. Я не его Беверли. И я не хочу танцевать.

ЭЛМЕР. Давай объясню, как это делается. Главное считать. Ты же умеешь считать, верно?

БЕВЕРЛИ. Ха-ха.

ЭЛМЕР. (кладет руку ей на талию) Так можно?

ИОЛА. А как еще танцевать? Не дотрагиваясь друг до друга? Глупости! Ты ей, главное, квадрат покажи.

ЭЛМЕР. Смотри. Представь, что на полу нарисован квадрат. И мы сейчас будем обводить этот квадрат, каждый шаг — сторонка квадрата. Следи за моими ногами. (шагает с правой ноги,

приставляет левую, двигается дальше, считая вслух) Четыре стороны квадрата. Непременно надо считать. (кружится, считает вслух) Теперь ты.

Беверли смотрит на свои ноги. Проходит по всем сторонкам квадрата. Вслух не считает.

ЭЛМЕР. Хорошо. Теперь попробуем вместе. И... —раз—два—три, и—раз—два—три...

Молодец.

БЕВЕРЛИ. Там луна.

ЭЛМЕР. Вижу. «О, мир в моём пятнистом свете!» Так она говорила?

Беверли чувствует, что сейчас заплачет, она наклоняет голову.

Элмер притягивает её ближе.

ЭЛМЕР. Вот и вся наука. У тебя отлично получается. И—раз—два—три.

БЕВЕРЛИ. *(приникает головой к его груди)* Можешь больше не считать. Я поняла.

ЭЛМЕР. И... —раз—два—три, и—раз—два—три...

РАЛЬФ прерывает танец.

РАЛЬФ. Счастлив объявить, что самую большую в мире индейку получает... Иола Дженкинс!

ИОЛА. Господи! Это я! Я Иола Дженкинс! Ой, мне ее не поднять!.. Элмер!

ЭЛМЕР. *(тащит индейку)* Пожалуй, это и в самом деле самая большая индейка в мире!

ИОЛА. Теперь вы, дети, умеете танцевать. И у нас есть индейка! Это что-то!

ЭЛМЕР. *(отдуваясь)* Это что-то.

ИОЛА. Только представь. Представь: ты бы не набрела на мой трейлер. Представь: я бы могла сама водить «понтиак». Тогда мы бы не подружились. И ты бы сейчас не умела танцевать. Ой, как я рада, что ты мне оказалась нужна. А я тебе!

БЕВЕРЛИ. Да вы-то мне... не особо....

ИОЛА. Я тебе нужна, милая. Даже очень.

ЭЛМЕР. Нужна, не спорь.

БЕВЕРЛИ. Ладно, вам виднее.

ЭЛМЕР. Надеюсь, этот индюк пролезет в дверь вашего крошечного трейлера.

Они доходят до трейлера.

ИОЛА. Погоди, сынок.

ЭЛМЕР. А чего годить?

ИОЛА. Ну, я просто подумала: куда я эту птицу дену? Она в холодильник не поместится.

ЭЛМЕР. Давайте попробуем.

ИОЛА. Нет-нет, милый. Уж свой-то холодильник я знаю. И духовку свою знаю.

ЭЛМЕР. Хорошенькое дело. Решайте скорее, куда нести. Она тяжеленная.

БЕВЕРЛИ. Положи на ступеньки.

ИОЛА. Куда? На ступеньки нельзя! Еноты съедят!

ЭЛМЕР. Я её уроню сейчас! Ха-ха-ха...

ИОЛА. Не смейся, даже не вздумай! Ха-ха-ха.

Все трое хохочут.

ЭЛМЕР. О нет, о нет... Ой, не могу. Это... самый тяжёлый в мире... индюк.

Беверли хохочет, плюхнувшись на землю, Иола корчится от смеха, держась за шезлонг.

Появляется РИНА. На ней ночная рубашка, на голове бигуди.

РИНА. Что происходит? Иола?

ИОЛА. И-и-и-и...

РИНА. Сейчас одиннадцать сорок семь. Почти полночь. Приличные люди спят.

ЭЛМЕР. Мы приличные. Только индейка в дверь не проходит.

ИОЛА. Ну, что будем делать?

РИНА. (угрожающе) С утра позвоню Билли!

БЕВЕРЛИ. У меня есть идея.

Сцена 20

Ресторан «Моречко»

Беверли стучит. Дверь приоткрывается. На пороге ЛАЙЗА.

БЕВЕРЛИ. Хорошо. Я надеялась, что вы ещё здесь.

ЛАЙЗА. Я-то как раз надеялась здесь уже не быть. Но я здесь.

БЕВЕРЛИ. Можно кое-что положить в холодильник?

ЛАЙЗА. Что именно?

ИОЛА. Самую большую в мире индейку.

ЛАЙЗА. Вы кто?

ИОЛА. Я Иола Дженкинс. Которая выиграла индейку.

БЕВЕРЛИ. А это Лайза.

ИОЛА. Очень приятно.

ЛАЙЗА. Ну. кладите. (*из-за угла пошатываясь выходит ЭЛМЕР с индейкой на руках*) Ого!

БЕВЕРЛИ. Да, индейка у нас крупная.

ЭЛМЕР. И тяжёлая. Пожалуйста, можно положить?

ЛАЙЗА. Заноси. (*открывает дверь холодильной камеры*)

ЭЛМЕР. Спасибо.

МАРБИ. (*входит*) Беверли-Лу? А ты что тут делаешь? Кто вы такие? Что тут происходит?

ЭЛМЕР. Может, нам приготовить индейку здесь? Устроим большой рождественский ужин.

МАРБИ. Сейчас Рождество?

ИОЛА. В Доме ветеранов сегодня отмечали Рождество.

БЕВЕРЛИ. Давайте и тут устроим праздник.

ЛАЙЗА. А что? Я люблю начинку в индейке! Сделаю картофельное пюре и соус.

БЕВЕРЛИ. И пирог.

Элмер хватает её за руку, они стоят, держась за руки, смотрят друг другу в глаза.

Элмер раскачивает руку Беверли взад-вперёд.

МАРБИ. Я тоже люблю пирог. И фруктовый кекс.

ЛАЙЗА. Кое-что придётся докупить. Я составлю список.

ИОЛА. Мы всё купим.

МАРБИ. Давайте вы больше не будете бастовать? Я готов платить тебе больше, Лайза. И Чарли. И Беверли-Лу...

ЛАЙЗА. И больничный оплачивайте.

МАРБИ. Оплачу!

ЛАЙЗА. И договоры подпишите, чтобы всё по закону.

МАРБИ. Подпишу!

ЛАЙЗА. Но сначала – рождественский ужин. (*Иоле*) Как думаешь, мы успеем к четырем?

ИОЛА. Лучше к пяти. Индюк-то здоровенный, будет долго в печке сидеть.

Беверли и Элмер стоят на кухне «Моречка», держась за руки.

Сцена 21

У трейлера мужчина в костюме. Волосы зачёсаны назад, туфли начищены до блеска.

ИОЛА. Знакомься. Это Беверли. (*Мужчина смотрит прямо на Беверли. Она — на него.*)

Оба молчат.) А ну-ка, повежливее, оба! Чему вас в детстве учили? Милая, Билли мой старший сын.

БЕВЕРЛИ. Привет.

БИЛЛИ. Ты водишь драндулет моей матери?

БЕВЕРЛИ. Да. Она попросила.

БИЛЛИ. Ты же малолетка.

ИОЛА. Рина ему позвонила, нажаловалась. И Билли развелся. Он просто волнуется.

БИЛЛИ. Это верно. Я волнуюсь.

ИОЛА. А волноваться тебе совершенно не о чем, милый. Я уже всё объяснила. Вчера вечером мы ходили на танцы в Дом ветеранов, и я выиграла самую большую в мире индейку.

БИЛЛИ. Кто ты?

ИОЛА. Сынок, я же сказала: это Беверли.

БИЛЛИ. В том-то и проблема, мама. Ты впускаешь в дом чужих людей, они тут живут, noctуют... Ты вообще в здравом уме?

ИОЛА. В очень здравом! Сынок, у нас сегодня рождественский ужин. Не порть праздник.

БИЛЛИ. Ты себя-то слышишь? Сейчас август, мама. Не декабрь. (*к Беверли*) Ты, давай, проваливай.

ИОЛА. Нет!

БИЛЛИ. Даю вам неделю. Или я заберу машину.

БЕВЕРЛИ. Так нельзя.

БИЛЛИ. Ещё как можно. Речь о моей матери. Кто ты такая, чтобы мне указывать, а? Кто ты?

БЕВЕРЛИ. (*в зал*) Кто я? Девочка, у которой раньше была собака. Девочка, которую давным-давно держал за руку папа. Которую вчера держал за руку Элмер и с которой он танцевал. Которая дружит с Райми. И с Луизианой — пусть даже Луизиана теперь далеко. Девочка, которая написала «мне стыдно» двести раз и ни разу не имела этого в виду. Которая написала имя Иолы восемьдесят два раза и каждый раз имела это в виду. Которая вырыла яму и похоронила того, кого любила. Которая знает, что такое *Lapis lazuli* и знает, что лазурит можно растереть и превратить в крылья.

БИЛЛИ. Видишь? Ты никто.

ИОЛА. Замолчи. Не говори ей так.

БИЛЛИ. Мама, я о тебе забочусь.

ИОЛА. Твой папа был бы... разочарован в тебе, Билли. Да. Разочарован.

БИЛЛИ. Только папы давно нет. И все решения на мне. (*уходит*)

БЕВЕРЛИ. Иола, я ведь не могу жить тут вечно. Так что... Всё в порядке. Мне по барабану.

ИОЛА. А мне нет. Хотя я всегда понимала, что ты уедешь. Рано или поздно. Несмотря ни на что. Но с тобой так хорошо. С тобой весело.

БЕВЕРЛИ. Простите меня.

ИОЛА. (*протягивает Беверли листок с ее портретом*) Девонька, сгиб этот навсегда, разгладить не получится. Но портрет подарен тебе, пусть у тебя хранится.

БЕВЕРЛИ. Я действительно так выгляжу?

ИОЛА. Да, милая. Ты действительно такая красавая! А теперь спрячь и едем за продуктами.

Песня Wynken, Blynken and Nod – один куплет.

Сцена 22

Магазин, ресторан, площадь.

ИОЛА. Я, пожалуй, сделаю амброзию. Ты любишь амброзию?

БЕВЕРЛИ. А что это?

ИОЛА. Не знаешь?! Тогда я её точно сделаю. Принеси мне зефира и апельсинов. И вишненки коктейльные. Так... что ещё туда добавить?

БЕВЕРЛИ. Я буду к вам в гости приезжать.

ИОЛА. Конечно, детка. Я знаю... Ещё понадобится кокос.

БЕВЕРЛИ. Зефир, апельсины, вишненки и кокос. Так?

ИОЛА. Ещё орешки. Пусть тебе достанется самая вкусная амброзия на всем белом свете.

БЕВЕРЛИ. Сейчас принесу. Я уже верю, что будет вкусно.

ИОЛА. Девонька, да ты все пальчики оближешь! Амброзия это... пища богов!

БЕВЕРЛИ. (*в кабинете, обращаясь к Марби*) Счастливого Рождества.

МАРБИ. И тебе.

БЕВЕРЛИ. Вот, возьмите. (*вручает ему фотографию его собственной семьи*)

МАРБИ. Что это?

БЕВЕРЛИ. Это вы. Счастливый вы. Фото в сейфе лежало. Я забрала ненадолго. Простите.

МАРБИ. Это ж надо, какая Лу тут крошечка. Гляди-ка, у Маргоши нет зуба. (*протягивает руку и поочередно касается лиц дочерей*)

БЕВЕРЛИ. А это ваша жена?

МАРБИ. Да.
БЕВЕРЛИ. Вы тогда ещё жили с ними?
МАРБИ. Да. Всё так. Спасибо, что вернула.
БЕВЕРЛИ. Мистер Марби...

Слышен шум, крик. Голоса Иолы и Лайзы.

МАРБИ. Что там опять?

На пороге кабинета появляется некто в маске, с бейсбольной битой и продуктовым пакетом в руках. В нем легко опознать ДЖЕРОМА.

ДЖЕРОМ. Это налёт.
МАРБИ. Какой налёт?
БЕВЕРЛИ. Джером?!
ДЖЕРОМ. Что?
БЕВЕРЛИ. Зачем тебе бита?
ДЖЕРОМ. Гоните денежки из сейфа, а то по кумполу.
БЕВЕРЛИ. Бейсбольной битой?
МАРБИ. Так нечестно.
ДЖЕРОМ. Гоните деньги! (*со свистом взмахивает битой*)
МАРБИ. Давай сначала успокоимся.
ДЖЕРОМ. Я спокоен. Я очень спокоен. Гоните деньги. Всё, что есть в сейфе. Вот сюда кладите.
МАРБИ. У меня три дочки. Я на них трачу, не на себя.

Лайза встает в дверях кабинета, скрестив на груди руки. Рядом Иола.

ЛАЙЗА. Это правда.
ДЖЕРОМ. Гони деньги!
БЕВЕРЛИ. Отдайте ему деньги, мистер Марби.
МАРБИ. Но это нечестно.
ЛАЙЗА. Не давайте ему никаких денег.
ЭЛМЕР. (*появляется*) Ты чего размахался?
ДЖЕРОМ. Ща кого-то прибью! Кому-то будет бо-бо.

*Марби достает из сейфа пачки денег и кладет в пакет,
который подставил Джером.*

МАРБИ. Это нечестно.

ДЖЕРОМ. С дороги.

ЭЛМЕР. Нет.

ДЖЕРОМ. С дороги, сосунок! (*заносит биту над головой*)

ИОЛА. (*кладет руку на локоть Элмера*) Отойди, милый. Пропусти его.

ДЖЕРОМ. (*выходит за дверь, оглядывается, снимает маску*) Не вздумайте звонить в полицию. Всем кости переломаю. (*исчезает, слышно, как хлопает кухонная дверь*)

ИОЛА. Звоните в полицию!

МАРБИ. Нет.

БЕВЕРЛИ. Я его догоню.

ЭЛМЕР. Ты — через главный вход, я — через кухню.

На улице у ресторана.

ФИОНА. Чего тебе?

БЕВЕРЛИ. Ты не там ждёшь.

ФИОНА. Почему?

БЕВЕРЛИ. Потому что Джером вышел через кухню. С деньгами.

ФИОНА. Точно?

БЕВЕРЛИ. Но и туда бежать поздно. Потому что Элмер, да-да, тот самый Элмер, которого твой Джером гнобил в школе, его догнал. Наверняка догнал.

ЭЛМЕР. (*голос, кричит*) Догнал! Я его догнал!¹

БЕВЕРЛИ. (*кричит*) Хорошо! (*тихонько*) Я так и знала.

Шум океана.

БЕВЕРЛИ проходит мимо телефонной будки, потом возвращается, выходит, набирает номер.

РАЙМИ (*голос*) Алло? Алло? Говорите!

БЕВЕРЛИ. Райми, помнишь, когда Луизиана исчезла?

¹ Хочется оставить театру максимум свободы в решении этой сцены. У всех свое пространство, и все его по-разному обживают: тут может быть драка на авансцене, а может быть крик с колосников или балкона. Главное, что Элмер догнал Джерома и вернул деньги хозяину ресторана.

РАЙМИ (голос) Беверли! Ты где?

БЕВЕРЛИ. Помнишь, как мы ходили, искали их по всему дому, а там была одна комната с окном нараспашку, и штора колыхалась взад-вперёд? От сквозняка...

РАЙМИ (голос) Да, помню. Где ты?

БЕВЕРЛИ. Так выглядит одиночество.

РАЙМИ (голос) Это было ужасно.

БЕВЕРЛИ. Хуже, чем ужасно. Так было, когда умер Дружок. Так было, когда ушёл папа.

Прости... Прости, я тебя не предупредила, уехала. Но я написала тебе письмо.

РАЙМИ (голос) Я ничего не получала!

БЕВЕРЛИ. Просто я его ещё не отправила.

РАЙМИ (голос) Я тебя каждый день ищу. И на могилу к Дружку хожу. Как ты уехала, я каждый день туда хожу... Где ты?

БЕВЕРЛИ. Может, ты за мной приедешь?..

РАЙМИ (голос) Алло? Скажи, где ты!

БЕВЕРЛИ. (в зал) Я сказала. А потом повесила трубку, вытерла слезы и задрала голову, чтобы увидеть слова на стекле. В скрюченном домишке у скрюченного моря. Потом я пошла к «Zoom-сити». Ещё издали услышала скрип и скрежет — это лошадь скакала в никуда. А потом я увидела, что на лошади сидит Робби. Мальчик с пляжа. Я строила с ним песочный замок.

РОББИ. (голос) Ты наврала. Сказала, что вернёшься, и не вернулась. Мы хотели достроить.

БЕВЕРЛИ. Прости. Прости, что я не пришла.

РОББИ. (голос) Ну и не надо. Врушка.

БЕВЕРЛИ. Ты любишь пироги?

РОББИ. (голос) С чем?

БЕВЕРЛИ. Думаю, с тыквой. И с яблоками. И, может быть, фруктовый кекс. Приходи в «Моречко».

РОББИ. (голос) Фу, там же рыба. Я ненавижу рыбу.

БЕВЕРЛИ. Я тоже. Но сегодня Рождество. Будет не рыба, а индейка. И какая-то сладкая штука, называется «амброзия». В неё зефир кладут. «Моречко» совсем близко. Приходи!

КОНЕЦ